

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА

SEMIOTICS AND SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25

EDN: GWZTIE

Научная статья / Research Article

Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве

Т.В. Маркелова

Институт современного искусства, Москва, Российская Федерация

 tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. Изменение лингвокультурной ситуации ведет к трансформации значений лексической единицы, которая получает новые смыслы и новое восприятие. Цель исследования — анализ функционирования лексической единицы *нарратив*, которая является ментальным продуктом, воспроизводимым человеком посредством дискурсивной деятельности, и рассматривается как заменитель слова *риторика* (как аналог речедействия); множественность обозначаемых данного слова (*риторика* как *рассказ, история, текст, дискурс, точка зрения, ракурс*) основывается на ее восприятии как языкового инструмента с широкими возможностями, особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции *язык — культура — коммуникация*. Рассмотрена семантика и прагматика семиотического знака *нарратив* в медийном тексте, отмечена реализация прагматики ценностного (положительного или отрицательного) отношения; а также типы десигнатов в слове-знаке *нарратив* и их интерпретация в контексте.

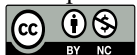
Ключевые слова: дискурс, языковое развитие, ценности

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: Маркелова Т.В. Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25> EDN GWZTIE

© Маркелова Т.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Semiotics of Narrative in the Modern Media Space

Tatiana V. Markelova

Institute of Modern Arts, Moscow, Russian Federation

 tvmarkelova@mail.ru

Abstract. This study investigates the evolution of lexical meanings within changing linguocultural contexts, focusing on the acquisition of new senses and perceptions by linguistic units. The aim of the study is to analyze the functioning of the lexical unit narrative, which is a mental product reproduced by the human being through discursive activity and considered as a substitute for the word rhetoric as an analogue of speech act. The multiplicity of designations of this word (rhetoric as an analogue of story, history, text, discourse, point of view, perspective) is based on its perception as a linguistic tool with broad capabilities, a special semiosis of the cultural-linguistic picture of the world in the correlation between language, culture, and communication. The analysis explores the semantics and pragmatics of narrative as a semiotic sign within media texts. It highlights the implementation of its pragmatics to convey axiological (positive or negative) evaluations. Furthermore, the study identifies and interprets the various types of designata associated with this word-sign in contextual usage.

Keywords: discourse, language development, values

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Markelova, T.V. (2026). Semiotics of Narrative in the Modern Media Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(1), 9–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25> EDN GWZTIE

Введение

Развитие искусства речи в медиапространстве, постоянное изменение медиакартины мира, влияющее на восприятие гражданами политики государства и на сам ментальный вектор этой политики, регулярно вовлекает в лексическую систему слова ограниченного употребления — термины (*риторика, нарратив*), профессионализмы (*власть, реформа, модернизация*), жаргонизмы (*аккаунт, мануал, трек*), начинающие «жить» новой жизнью как в языке средств массовой информации, так и в языке социума. В основе этого развития лежит лингвокультурная ситуация как «возбудитель» трансформации значений слова — одного или нескольких — в условиях контекстов нового времени, нового пространства, новых смыслов объективной действительности и ее восприятия.

Среди таких трансформированных слов, в нашей метафорической трактовке «обновленных», были исследованы слова *элита, власть, модернизация, цифра* и др., демонстрирующие часто «вспышку» аксиологической семантики как причину распространения в медиапространстве: *Власть закона и произвол власти* (ЛГ); *Цифра без хайпа* (АиФ); *Милитаристская риторика Санду напугала население* (НГ); *Конечно, российскую финансово-промышленную элиту можно назвать сверхэффективной в части личного обогащения и агрессивной экспансии* (НИ). Однако в лингвистическом поле и на его

горизонте регулярно появляются «модные маркеры», реализующие новую прагматику речевого общения, «погруженную» в медиадискурс различных форматов: мультимедийности, креализованности, поликодовости, которые отличаются увеличением точек зрения, подходов, траектории взглядов в рамках мультиплексов, подкастов, «сжимающихся» печатных медиа и находящихся в динамике становления новых медиа. Таким маркером стало в последнее время слово **нарратив**, с одной стороны, в части контекстов, заменившего собой слово **риторика** как аналог речедействия: **нарратив Трампа** — **риторика Трампа**, с другой, «настроенного» на новый ракурс отражения злободневной действительности: **стратегический нарратив**, **аккредитивный нарратив** и на новые смыслы аксиологического контекста: **ложные нарративы**, **война нарративов**, **фальшивые нарративы**. Факт вовлечения в широкий дискурсивный процесс слова, лишенного лексикографической характеристики в авторитетных современных и традиционных толковых словарях, в большинстве словарей иностранных слов, в аспектных словарях и энциклопедических тезаурусах, в словарях новых слов¹ нуждается в исследовании его когнитивной, коммуникативной, экспрессивной, креативной динамики, обеспечившей употребительность в медиапространстве и рецепцию социума. Лингвистические наблюдения за эмпирикой **нарратива** отправляют на поиск причин потребности медиаличностей и медиапотребителей в таких новых маркерах «старого» происхождения, в выходе на поверхность вербального общения трансформированных лексических единиц, в которых строго научное содержание полипарадигмального характера переходит в плоскость дискурсивного маркера и развивается в речи социума: «Вербальное общение связано с использованием информации или знаний трех видов — лингвистических (языковых), энциклопедических и интерактивных» [1. С. 10].

Феноменальная специфика семиосферы нарратива

По отношению к **нарративу** позволим себе применить понятие Р. Барта «культурно-семиотический феномен» [2]: слово как знак естественного языка и естественной семиотики в «сопряжении» с психологической, социальной, дискурсивной деятельностью сознания. Множественность обозначаемых этого знака — *рассказ, история, текст, дискурс, «точка зрения», ракурс* — располагаются под символом одного обозначающего — **нарратив**. Эта множественность детерминирует разные возможности интерпретации исходно терминологической лексемы «нарратив» — представление о **междисциплинарном концепте** как передаче опыта в разных языковых картинах мира — психологической, социальной [3], культурной (в разных видах искусства) [4] с помощью слова-лексемы как языкового инструмента с широкими возможностями, в развитии языковой семантики в слове как компоненте текста,

¹ Новые слова и словари новых слов 2020 : сб. научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020.

который, по определению Ю.М. Лотмана, «...обладает семиотической неоднородностью и, как следствие этого, способностью генерировать новые сообщения. Роль его отличается активностью: он всегда «знает больше», чем исходное сообщение» [5. С. 27]: *На макроуровне речь идет о формировании более сбалансированного информационного поля, где наряду с историями успеха присутствуют реалистичные и поддерживающие нарративы о ценности труда, карьерного роста и семейной стабильности (РГ); Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов (Матч-ТВ); представление о понятии в корреляции с деятельностью мышления в контексте национально-культурной специфики, где слово выступает как идентификатор говорящего — представителя лингвокультурной общности, как коммуникативно-познавательная единица: В своем Telegram-канале настоятель Винницкой епархии как церковнослужитель также распространял «прокремлевские» нарративы во время службы и в личном общении с прихожанами (РБК).*

Осмысление слова **нарратив** как особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции *язык — культура — коммуникация* заставляет искать роль коммуникантов как человеческого фактора в общении, реализуемого отношениями пропозиции и ситуации в высказывании. Расширение сферы лингвистики обогащает речевой портрет говорящего в медиасфере, актуализирующей значение слов с **особенной феноменальной знаковой природой**, к которым принадлежит слово **нарратив**: «Поэтому речевой портрет человека — это и портрет его ума» [1. С. 32]. Можно предположить, что включение подобных слов в «портрет ума» появилось в процессе защиты человека от наступления искусственного интеллекта: нарратив как ментальный продукт, воспроизводимый человеком посредством дискурсивной деятельности (последовательность высказываний, естественные и придуманные истории, фокус зрения, текст как совокупность знаков акта рассказывания и др.) «очеловечивает» коммуникацию, не дает цифре «наступить на слово», развивая в актуализированном слове **иконичность, символичность, дейктичность** Ч. Пирса [6] и **прагматичность** в корреляции с **семантикой и синтактикой** Ч. Морриса [7. С.70–77].

Включенность слова **нарратив** в знаковую природу разных семиотик определяется архисемой «текст», объединяющей **типы текста**: миф, легенда, басня, сказка, новелла, витраж, кинематограф, бытовой разговор; **структуры текста**: сюжет и фабула, система персонажей, время, модальность, иронизация; **смыслы текста**: «история не рассказывается, а проживается» [8. С. 85], «дискурсивная гегемония» привлекательного опыта и его «навязывания» (**нарратив** идентичности, сообщества единой судьбы); **научную природу текста** в логике, гносеологии, литературоведении, риторике, лингвистике, эстетике.

Образование слова от лат. *narrare* — «рассказывать» — породило не только имя **нарратив**, вошедшее в широкое употребление в последние годы,

но и название литературоведческой дисциплины «нарратология» — «теория повествования», появление и развитие которой в 60-е гг. XX столетия отличается промежуточным положением «между структурализмом, с одной стороны, и рецептивной эстетикой и «критикой читательской реакции», — с другой»². Каждое положение находит место при трансформации исходного значения термина в процессе употребления: *Кроме того, министр Сийярто подчеркнул, что «не ведет переговоры в соответствии с брюссельскими нарративами и не высказывает брюссельские тезисы. а представляет национальные интересы»* (ТАСС).

Появление учебников с одноименным названием «Нарратология» и монографий как научного сегмента в области коммуникативного аспекта литературных произведений, соотношения нарратологии и дискурсологии, глубинной структуры текста в восприятии читателя и др.; построение **семиотической модели «нарратива»** как «общего в единичном» — для повествования любого формата, жанра и функции (см., например [9; 10]) — доказывает **прагматическое содержание** лексемы, демонстрирующее отношение говорящего к знаку, который он выбирает для реализации своей **интенции** в процессе достижения цели речевого общения. Знак **нарратив** выполняет при этом языковую функцию изображения: *Выступление президента США Дональда Трампа в Кнессете (израильском парламенте) было призвано изменить сложившийся глобальный негативный нарратив о действиях Израиля в секторе Газа...* (ТАСС); экспрессии: *Атака НАТО на Белград. В 1999 году действительно не было разрешения Совбеза ООН на военное вторжение в Югославию, но нарратив бомбардировки определяли СМИ, которые утверждали, что это было единственное средство для решения большой гуманитарной катастрофы* (ТАСС), апеллятива: *«Все ведущие европейские страны продолжают использовать военный нарратив... Они могут и дальше пытаться взбесить Россию, но это ее не остановит», — вынес приговор эксперт.*

Именно **интенциональность** при реализации семантики слова **нарратив** проецирует феноменологическую и философскую точку зрения на лингвистическое знание, реализует направленность сознания на объект в процессе речевого общения, формулирует коммуникативное намерение и формирует семантическую категорию как «класс однородных в смысловом отношении языковых феноменов» [11. С. 14] (*повествование, рассказ, история*). Мультинаучность интенциональности — психологическое, логико-философское, лингвистическое знание — детерминирует когнитивную сложность знака **нарратив** в его интерпретации лексемой. Факты деятельности сознания определяют пропозициональный уровень слова-знака, реализуя в нем «свернутое» суждение-высказывание с внутренним **интенциональным** содержанием

² Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2003. С. 609.

субъективного предъявления информации коммуникантом в речевом общении, то есть демонстрируя его прагматику: *Дмитриев считает, что эра «фальшивых нарративов» подходит к концу* (ТАСС); *Как сохранить разум в мире черно-белых нарративов? Важный разговор с Александром Асмоловым* (НГ). Модусная рамка высказывания и его субъективность как отношение к смыслам повествования развивает метафорическую природу слова, основанную на сравнении с действиями человека как объекта-участника ментального процесса: **война нарративов** (война мнений, мыслей, предписаний, точек зрения?, но вряд ли «война повествований, рассказов»); ср. также: **продажа нарративов** (ценностных взглядов, мыслей, мнений, предписаний, историй? — но вряд ли продажа текстов, историй, повествований?); **власть нарративов, нарратив идентичности** и многие другие метафоры.

Прагматический объем содержания **нарратива** очень широк. Опираясь на предельно обобщенное понимание феномена знака в теории Р. Якобсона, представителя «золотого века» нарратологии, процитируем определение, лежащее, на наш взгляд, в основе палитры значений исследуемого слова и его актуализации в современном медиапространстве и новых медиа: «знак не нуждается ни в чем, кроме возможности быть интерпретированным, даже при отсутствующем адресанте» [12. С. 147]. Сложность **знака-объекта** как ментального продукта, воспроизводимого человеком посредством дискурсивной деятельности, дает возможность интерпретировать **нарратив** в корреляции с социокультурным контекстом деятельности человека и его мышлением как когнитивной деятельностью. Особенность отношений в трех цепочках Л.А. Новикова раскрывает обозначенный выше тезис:

- 1) знак — интерпретанта (смысл, значение) — десигнат/объект;
- 2) знак — интерпретанта (смысл, значение) — десигнат/#;
- 3) знак — интерпретанта (смысл, значение) — # / объект

и позволяет анализировать на его основе семантику, синтактику и прагматику сложного знака, включая в них человека-интерпретатора: «Отношение «знак — объект (денотат) неизбежно рождает мыслительное содержание (интерпретанту, смысл, значение)» [13. С. 28].

Семантика знака-лексемы *нарратив* в медийном тексте: социокогнитивный аспект

Смена риторической парадигмы современника, развитие понятия риторическая личность, динамика экстралингвистической ситуации в динамике появления новых медиа, «переход» межличностной коммуникации в виртуальную реальность, изменяющаяся геополитическая и экономическая ситуации неизбежно влекут за собой трансформацию семантической интерпретации отдельных явлений в языковой картине мира. Превращаются в актуалемы³ слова, ранее не важные (*риторика, власть*), осваиваются

³ Черникова Н.В. Словарь актуалем : словарь-справочник. М. : МГОУ; Мичуринск : МГПИ, 2008.

варваризмы (*Трамп — настоящий девелопер и организатор производства*), изменяется не только стилистика медийного пространства, но и способ трансляции ценностей: (*Нарративы креативных индустрий; нарратив развития; нарратив победы в СВО*). Семиотика языкового знака усложняется, отражая развитие объекта, изменение структуры десигната в корреляции с «движущейся» ситуацией, многослойность десигната во взаимодействии с пропозицией. Слово становится актуальным в силу такой семиотической многомерности и готово «выпрыгнуть» на дорогу языковой картины мира как «суперновый» механизм, вытесняя механизмы старые.

Сдвиг семантических смыслов пережило слова *риторика*, практически утратив главное значение «красноречие» и перейдя в парадигму дискурсивных слов — *речь, высказывание, аргумент: риторика Трампа, риторика насилия, политическая риторика* и др. Особенным «модным маркером» стало слово *цифра* (цифровой), переосмыслив значение числа как базы информации: *цифровой зоопарк, Толстой «в цифре», «цифра наступает на слово»* и др. **Преобразование семантики знака** как отражение его языковой репрезентации в когнитии особенно характерно для медийного пространства. Медиа-речь, заполнившая медиатекстами 90 процентов окружающего пространства, «настроена» на широкий охват публики, являясь инструментом влияния на социум и отражая его мировоззрение и языковую картину мира.

Глобализация ценностного подхода к любому объекту, субъективизация взгляда на десигнат, развитие множественности мотиваций как отражение социального контекста жизни, стремление к индивидуализации выражения и одновременно привычка к «модным словам» обрели **новую тенденцию** в последние годы. Она состоит в том, чтобы слово несло в себе принцип **необычности, оригинальности, иногда даже странности**. Основой этого принципа для **актуалем становится представление о слове как семиотическом знаке**, в нашем случае вбирающем в себя знаковую природу других систем — социальной, медийной, когнитивной, логической, психологической, филологической и др.

Необычное как основа трансформации слова-знака регулярно проявляется в социальной картине мира как одной из составляющих медийной картины мира и реализуется в медиатексте, «настроенном» на современный слову-знаку социальный контекст. В этом отношении в социальном контексте реализуется взаимодействие актуального событийного ряда с системой ценностей, в первую очередь, духовно-нравственных, что, несомненно, оказывает влияние на коммуникантов, интерпретирующих содержание медиатекста в рамках своего социального, интеллектуального, эмоционального и коммуникативного опыта: *Современное искусство все чаще отходит от линейного нарратива, предлагая зрителю не историю, а опыт, который он должен пережить самостоятельно (Нарратив в современном искусстве: от повествования к экспириенсу // «Искусство»)*. Знак-интерпретанта в условиях зависимости от социолингвистического контекста становится **транслятором** не только событийного потока в медиадискурсе, но и одновременно

выразителем отношения медиальности (индивидуальной или коллективной). Медиа фиксируют смену социальных оценок, например, в 90-е гг. XX в. и в 2000-е (появление у лексем *элита*, *оптимизация* и *модернизация* отрицательной оценочной семантики), отражают смену монопарадигмальной науки на полипарадигмальную, переосмысливают форму воздействия на общество, закрепляя в сознании людей нравственно-эстетические и поведенческие эталоны в отношении к культуре и политике не только внутренней, но и внешней: *Настоящий социальный омут для модернизации и оптимизации*; *Элита русская больна* (Слово, 2007, № 8), *Наша коррумпированная элита вытягивает из страны последние соки* (НГ) и др.

Масштабирование социального использования медиадискурса приводит к **масштабной смене структуры когнитивно-прагматического бытия актуальной лексемы в рамках ее роли в построении информационной картины мира в медиaprостранстве**. Лингвокогнитивный подход к интерпретационным свойствам медиатекстов и их «модным маркерам», реализующим знак-интерпретанту, позволяет представить актуальное содержание объекта и десигната как основу **трансформации исходной семантики и прагматики слова-знака**, превращающегося тем самым в образ–стереотип, в образ-оценку, развивающую множественные смыслы в контекстах различного типа. Изменение аксиологического отношения к событиям, фиксируемое в современных медиа, отражают приспособление основной и главной единицы языка — слова — к новым реалиям.

Изменение прагматического содержания в рамках семантической структуры лексемы **нарратив** и ее трансформация происходят в **процессе актуализации ее семем**, обусловленных публицистическим контекстом.

Специфика семантики слова **нарратив** как междисциплинарного концепта создает предпосылки для реализации различных контекстов — не только демонстрирующих известные внутренние смыслы — «повествование», «рассказ», «история», «текст», «дискурс», «точка зрения», но и ранее не характерные для данной лексемы, интерпретирующие особенности десигната (денотата — объекта) — обозначаемого семиотического знака **нарратив**.

Контекстуальное окружение лексемы **нарратив** свидетельствует о способности его десигната — ментального содержания, свойственного **объекту речемышления**, к выражению аксиологической семантики, с одной стороны, формируемой контекстом, а с другой стороны, подтверждающей его возможности. **Синтактика** анализируемого текста зависит от структуры **нарратива** в прямом значении слова: **совокупность истории, лежащей в основе события, текста и наррации как акта рассказывания**. **Прагматика** как отношение коммуникантов к выбору знака включает особые смыслы интерпретационных компонентов, основанные на понимании оценки как умственного акта («умственный мостик»). Умственный акт оценки участвует в выборе **семантики** слова **нарратив** в процессе употребления и одновременно в трансформации этого значения.

Прагматика семиотического знака *нарратив*

При выражении интенции говорящего в прагматическом контексте семиотический знак *нарратив* несет три типа информации: **когнитивную** — результат умственного акта, позиция в ментальном поле: *хорошо* — *нормально* — *плохо*; **коммуникативную** — характер речевого акта: *похвала* — *одобрение* — *порицание*; **эмотивную** — *удовольствие* — *неудовольствие* — *презрение* и др. Широкий объем информации коррелирует с широким функционалом языкового знака, реализующего **интенцию**: изображение, экспрессия, апелляция. Данное обстоятельство — источник и реализатор трансформации слова *нарратив* в контексте. В процессе трансформации также активно участвует набор семем в семантической структуре слова-знака. Их содержание делает **означаемое** (денотат, десигнат, объект) не только богатым структурным образованием, — *повествование, рассказ, история, текст, дискурс, точка зрения*, но и обогащенным семами внутри полисемичных семем: например, *рассказ* включает две семы, *история* — семь, *текст* — три, *дискурс* — четыре. Прагматическая составляющая, формирующая и усиливающая оценочную семантику *нарратива*, определяется следующими шагами прагмасемантического анализа: поиском иерархии сем в семеме с целью постепенного «нахождения» такой, которая демонстрирует ценностное отношение говорящего не явно, с помощью «средней» или «слабой» прагмемы, близкой к «коннотации». Ряд сем в лексеме *повествование* — «связный рассказ о каком-либо событии»⁴, базовой для нарратива, несет в себе прагматическое содержание на втором шаге анализа: *связный* — «*хорошо* изложенный, логически стройный»⁵; *событие* — «то, что произошло, то или иное **значительное** явление, факт общественной или личной жизни»⁶ — *значительный* — «большой по размерам, силе», «**важный**», — «выразительный»⁷ — на третьем шаге анализа.

Данный факт детерминирует специфику «**необычного**» в знаке-интерпретанте, побуждая интерпретатора выбирать прагматическую составляющую в процессе когниции и на этой основе **трансформировать** семантику знака: *нарратив* — *важная, значимая информация, хороший или плохой тезис, значимая мысль, хорошее изложение, важный ход развития, движения, взаимосвязь с лингвистической информацией*. Таким образом, **семиотика слова нарратив** оказывается подверженной **прагматическим преобразованиям аксиологического характера**, в которых экстралингвистический фактор влияния социокультурного, социокогнитивного, психологического контекста детерминирует появление в слове *нарратив* новых смыслов — отрицательно и положительно оценочных, эмоциональных или безэмоциональных, либо вообще не связанных с повествованием: *война нарративов*,

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998. С. 528.

⁵ Там же. С. 705.

⁶ Там же. С. 740.

⁷ Там же. С. 232.

агрессивные нарративы, антимусульманский нарратив, укрепляющий нарратив и др. Глобализация оценочного отношения к любому событию, свойственная медиатекстам и в целом медиапространству последних лет, вызывает актуализацию семантики нарратива и динамику его употребления, как бы противоречащие его научности, сложности, терминологичности, нелексикографированности в толковых словарях, «непонятности» для широкого массового читателя.

Типы десигнатов в слове-знаке *нарратив* и их интерпретации в контексте

Означаемое — «ценность», формируемая прагматическим контекстом отношения к ситуации в знаке-интерпретанте: *отрицательное ценностное отношение к ситуации, реализуемое словом нарратив*:

Демократам (и европейским элитам) через закрытие своего информационного пространства удалось навязать ложный нарратив украинского конфликта (Риа новости) — интерпретанта «отрицательные ценности», «неправильное отношение» формируется взаимодействием составляющих обозначаемого (десигната) — «связный рассказ» о свершившемся событии с его большим размером и силой с отрицательной прагматикой контекста — выбором трех отрицательных контекстуальных компонентов — «элита» (с трансформированной отрицательной семантикой), «закрытие» — непрозрачность, непроницаемость, смутность, порождающие «ложную оценку» — «мнимый, намеренно выдаваемый за истину»⁸ — вторая семема многозначного атрибута *ложный (нарратив)*. Ср. также — *Так, финансист, работающий в иностранной компании, считает, что правительство Нарендры Модии намеренно разжигает антимусульманский нарратив среди индуистов, как бы рисуя образ «общего» врага* (Изд. дом.ру) — приписывание отрицательного отношения в рамках десигната создается «сильными» прагмемами с военной семантикой «дойти до высокой степени», «усилиться» в *разжигать* — «заставить гореть», «противник» в «общий «враг» и в атрибуте «антимусульманский», психоэмоциональной характеристики «намеренно», приписываемой автору нарратива вторым коммуникантом — автором мнения.

Отрицательные компоненты социокультурного и социокогнитивного контекста присущи также высказываниям с «сильными» прагмемами-атрибутами, где отрицательный смысл **обозначаемого** трансформирует «безоценочный» первично смысл **означающего** — *нарратива*: *Захарова назвала приоритетом Берлина агрессивные нарративы из-за поставок Taurus* (Газета.ру); *На пропагандистские нарративы западным демократиям ответить нечем...; ...западные страны цинично продвигают ложные нарративы о якобы растущей «китайской угрозе» в Арктике, но в реальности из всех неарктических государств именно внерегиональные страны-члены*

⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998. С. 331.

НАТО и, прежде всего, Великобритании, вносят наибольшую напряженность в высокие широты», — сказал господин Корчунов «РИА Новости» (Коммерсант); В Министерстве культуры Украины считают, что программа должна «усилить защиту от **враждебных нарративов** и создать украинскую альтернативу российскому культурному влиянию» (противопоставленные смыслы в означающем); «Для биткоина критичной опорой остается широкий диапазон \$ 80–90 тыс.: его пробой при повышенных объемах при **жестком нарративе ФРС** и возможном новом витке обострения торговых конфликтов повысит риск более глубокого ухода в область \$ 75 тыс., где спрос могут поддержать долгосрочные холдеры и новые институционалы» (РБК.ru) — в этом конкретном примере отрицательная ментальная оценка в десигнате как опасной ситуации расширяет смысл знака-интерпретанты до значения «запрет», «**императивное послание**», доказывая способность обозначающего знака **нарратив** к трансформации в экономическом дискурсе с широким описанием экстралингвистической ситуации.

Знак-интерпретанта реализует функционал высокой степени выразительности и экспрессии в синтактике неатрибутивного плана, когда слово-знак **нарратив** занимает синтаксическую позицию субъекта: **Нарративы Дальнего Востока** попали в фокус экспертов «Амур Экспо» (Федеральная пресса), предиката: Это **нарратив русских**, что я не могу начать говорить с Путиным (РЕНТВ), именительного темы: Нарратив в мультимедийной журналистике (Вестник МГУ), **Нарратив** в современном искусстве: от повествования к экспириенсу; объекта, где усиливает тем самым свою денотативную сущность: **Война нарративов**. Почему российская пропаганда испугалась сериала «Чернобыль» (Гарнье интернациональ). Развитая синтактика коррелирует с развитой семантикой, предоставляя слову-знаку **нарратив** практически безграничную возможность совершенствования ментальной деятельности в процессе его употребления.

«Изобретательность» ума в процессе интерпретации слова с ментальным наполнением «раздвигает» рамки возможного и рождает явление противопоставления вне лексической антонимии, вводя в антитетическое послание новые смыслы означающей лексемы: Мы также обратили внимание на слова главы министерства культуры Молдавии о том, что Русский дом якобы стал инструментом распространения **вредных, как было сказано, нарративов**, и угрозой для национальной безопасности, — продолжила Захарова. Они что-то, наверное, перепутали. Вообще мы **нарративы** не распространяем. Мы, если что-то и распространяем, то это **мысли, а нарративами** забита голова не у нас» (ТАСС.ру). Противопоставления мысли — нарративу, с одной стороны, подчеркивает ментальное содержание десигната — в рамках ложных ценностей, носителей отрицательных смыслов, с другой стороны, символизирует это ментальное значение, вводит **нарратив** в систему единиц мышления — не только расширяя его семантическую структуру, но и подчеркивая его отрицательную экспрессию и эмоциональное содержание, обусловленные мнением и трактовкой автора. Такая же ситуация

противопоставленности смыслов, как бы внутренней энантиосемии в качестве одного из средств трансформации значения знака, содержится в ироническом высказывании: ***Нарратив** про слабо развитую страну-бензоколонку, с разорванной в клочья экономикой и разоренными арсеналами, одновременно угрожающую стереть с лица земли Запад своей военной мощью и уникальным сверхсовременным оружием — как раз про это* (РИА Новости).

Означаемое — «ценность», формируемая прагматическим контекстом отношения к ситуации в знаке-интерпретанте: ***положительное ценностное отношение к ситуации, реализуемое словом нарратив:***

Цель — не просто пересказать факты, а создать ***богатый, многослойный нарратив***, который максимально полно вовлекает аудиторию, используя сильные стороны каждого медиума (Ведомости.ру). Сохраняя базовый смысл истории, текста и наррации, слово-знак в данном социокультурном контексте приобретает смысл **ценностного послания**, основанного на движении сюжета во времени и в пространстве. Значение интерпретанты расширяется до проникновения в теорию повествования, не просто объединения ее элементов, но успешного воздействия на аудиторию. Когнитивно-коммуникативное содержание одобрения-похвалы реализуется в следующих контекстах: *Это замечательный нарратив* укрепления власти (РБК), *Это основной нарратив* власти — *борьба с бедностью* (Газета.ру). Устойчивая, общезыковая (ингерентная) оценка наиболее свойственна десигнату — «слабой» прагмеме *национальный*: *Нужно понимать, что в целом празднование исторических дат — это элемент национального нарратива* любой страны. Его цель — создание и поддержание коллективной гражданской идентичности (РБК). ***Нарратив*** в этом социально-культурном контексте приобретает значение ценностного предписания, императива, построенного на ценности *нации* как исторически сложившейся устойчивой общности людей. Адгерентная оценка, связанная с актуализацией смысла положительных ценностей, присутствует в выражениях ***новые нарративы***: *И тем не менее российской внешней политике по крайней мере нелишне задуматься о новых нарративах* (Коммерсант); *По сути, участники* (Московской школы управления СКОЛКОВО — выделено М.Т.) *оттачивают важнейший навык стратега — концептуализацию, умение создавать новое знание, новые нарративы*. Это и делает программу продвинутой, сильно отличающейся от традиционных подходов в бизнес-образовании (Школа Сколково). «Новое» как «измененное» опирается на социокогнитивный контекст необходимости внесения положительных смыслов **перспективной удовлетворенности**, неуспокоенности на достигнутом (*новые знания* как новые смыслы). В этом контексте и подобных слово-знак ***нарратив*** несет в своем десигнате семантику «текста», конструирующего активность сознания, совмещенного с активностью «дискурса» как «речи, погруженной в жизнь»⁹. Знак-интерпретанта превращается тем самым в опорный концепт, как бы структурирующий

⁹ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

ментальные изменения **означаемого, реализуемого означающим**. Косвенная информация о последовательности событий, также расширяющая семантику нарратива и диктующая ее динамизацию в употреблении, создается спецификой контекстуальных атрибутивов и оценочной лексикой: *Фундаментальный исторический нарратив последних 200 лет связан с кризисом религиозного представления о мире* (Бумага). Соединение положительных сем «основательный», «прочный», «глубокий», «главный» как элементов «сильной» прагмемы определяют ход развития и движения событий в интерпретанте, вовлекая ее в обозначение широких когнитивных процессов мышления, обозначая смысл «рассказ о ценностях» («кризис», «религия» и др. компоненты контекста). Когнитивное содержание социокультурного контекста расширяет смысл знака-интерпретанты **нарратив** до значения «сознание», «память» (культура памяти), демонстрируя адгерентную оценку в широком контексте, вовлекая в семантическую структуру знака-лексемы его составляющее «дискурс»: *В свою очередь исторический нарратив или культура памяти имеют различную типологию, изученную и описанную исследователями. Так, например, США культивируют героически-мессианский тип исторического сознания, героический национальный миф характерен для Китая, Великобритании, большинства стран Ближнего Востока. К героическому типу относится и российский исторический дискурс. Речь идет о гордости за национальные достижения, апелляции к великим страницам истории, военным победам и научным прорывам* (Евгения Пименова). Национальные «скрипты» и событийность истории реализуют через дискурс ценностную составляющую знака **нарратива**.

На пути преобразования семантики слова-знака **нарратив** располагаются и внешне «безоценочные» территориально-географические контексты и пространственные характеристики:

русские нарративы, пророссийские нарративы, нарративы русских, западный нарратив, антизападный нарратив, антимусульманский нарратив, кремлевские нарративы, прокремлевский нарратив, брюссельские нарративы, китайский нарратив, американский нарратив, проамериканский нарратив; телевизионный нарратив и др.;

контексты общественного-политического и финансового устройства: *политический нарратив, деловой нарратив, военный нарратив, общественный нарратив, национальный нарратив, аккредитивный нарратив и др.;*

контексты количественных характеристик: *глобальный нарратив, масштабный нарратив; имперский нарратив;*

контексты личного имени — ономастикона: *сталинские нарративы, нарратив Трампа, путинские нарративы.*

Совершенно очевидные «актуальные ситуации» и «свершившиеся» события как компоненты основной семантики слова **нарратив** — повествовательной, **нарративность** как инструмент формирования и отражения («переживания») человеческого опыта — оказываются в основе развития знака-интерпретанты, определяющего масштаб и объем его семантики, в том

числе аксиологической. Свой вклад в эту семантику вносят деривационные компоненты **анти- и про-, -фоб-**, реализующие отрицание либо поддержку смыслов окружающего контекста, формирующего аксиологический ореол «позиции» у знака-интерпретанты и подчеркнутую семантику «точки зрения», фокулизации.: *Словацкие медиа, распространяющие **проороссийские нарративы**, получают субсидии от правительства Роберта Фицо (Таймс.ру): **Антироссийский нарратив** письма вызывает естественное возмущение, но уже не удивляет. **Русофобские нарративы** прочно вошли в повседневный обиход германских политических и медийных кругов при одновременном активном отрицании альтернативных мнений*, — отметил посол РФ Сергей Нечаев (ТАСС). Контексты с прагматической семантикой «устройство» активно реализуют сему «опыт» как отражение «переживания» «истории» как семемы **нарратива** и «присвоение» ее смыслов: **Деловой, личный и общественный нарратив** формирует линзу, через которую мы четче воспринимаем свой опыт и развитие (Ведомости).

Особую роль играет актуальное выражение **стратегический нарратив**, отражающее коммуникативный контекст призыва к достижению интенции цели. Отличие стратегического нарратива от дискурса состоит в том, что он имеет стратегическую цель, направленную на семиотическую палитру значения и употребления слова. Находясь в широком поле медиапространства, **стратегический нарратив** преобразуется в привлекательную идею «рассказа о будущем: Клифф Олбрайт, соучредитель группы BLAK VOTERS MATTER, призывающей чернокожих голосовать, сказал, что манипулируемые изображения продвигают **«стратегический нарратив»**, призванный продемонстрировать популярность Трампа среди афроамериканцев — BBC NEWS (bbc.com), в ценность нормы и в эффективную задачу преобразования человеческой жизни. Особую актуальность приобрело выражение **«китайский нарратив»**, в содержание которого входят конкретные семиотические знаки: национальная цель: Китай — великая держава нового типа; Китай — часть мировой системы; Китай — нацелен на изменение несправедливой и конфликтогенной мировой системы; Китай — хранитель национальной идентичности. *Отсюда смена нарративов: **нарратив прошлого**: Китай — униженная страдающая страна; **нарратив настоящего**: Китай — страна победитель*.

Представляет интерес и психологический контекст, изменяющий значение **нарратива**, превращая его в вариант социального мифа, идеал веры в хорошую историю, происходящую в мире: *В ООН заявили об отсутствии **«нарратива»** возвращения Киеву ядерного оружия: Замгенсека ООН Изуми Накамицу в интервью РБК оценила, насколько вероятно появление у Украины ядерного оружия: Не думаю, что такой **нарратив** есть (РБК); Честность и реализм освобождают Вашингтон от вводящих в заблуждение нарративов администрации экс-президента США Джо Байдена* (Ведомости). Психологический нарратив приводит к присоединению человека к определенному нарративу в коммуникации: *Такер Карлсон заявил, что американцы верят*

в нарративы Запада про Украину (Лента.ру). Получая социальный знак — конкретный нарратив, побуждение-призыв, человек пытается выйти из состояния неопределенности, критически отнестись к внушенным смыслам в апеллятивной функции семиотического знака: *История России активно переписывалась в 90-е годы: под видом модернизации образования россиянам навязывались чуждые нарративы. Об этом заявила председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко в эфире первого канала. «Под видом модернизации образования, конечно же, переписывалась история, навязывались чуждые нам нарративы. Перепрошивка мозгов — главная их цель* (Новости ТАСС). Знаковый характер слова в данном контексте отражает отрицательную оценку предписаний, формирующих когнитивную составляющую его интерпретанты, на которую опирается интерпретатор высказывания в коммуникации.

Выводы

Различные аспекты «социальной когниции», обусловленные «комплексным характером природы социальных явлений» [11. С. 1089], расширяют функционал семиотического знака-слова, их реализующего. Можно предположить, что в этом отношении оно коррелирует с лингвокультуремой — комплексной единицей языка, объединяющей языковой знак с его значением и внеязыковым культурным содержанием. Представляя понятие, предмет или реалию, соотносимые с десигнатом — означаемым, знак-интерпретанта реализует смыслы означающего в его изобразительной, экспрессивной, апеллятивной функциях. Внеязыковое культурное содержание обеспечивает означающему **нарратив** с помощью аспектов социальной когниции прагматическое содержание, реализующее прагматику ценностного отношения — положительного или отрицательного — в форме дискурса, точки зрения, «текста как совокупности знаков, акта рассказывания как речевого действия» [12. С. 18]. Специфика ментального содержания означаемого — десигната — реализует его богатейшие возможности — присутствовать в коммуникации в значении интерпретанты — **ценность (положительная или отрицательная оценка), мысль, сознание, тезис, послание, приказ, посыл, убеждение**. Эта палитра заложенных в интерпретанте и реализуемых ею значений обуславливает стремительный «прорыв» слова-знака **нарратив** из академического пространства теории повествования в широкое публицистическое пространство СМИ, особенно в интернет-коммуникации. Однако существуют и критически настроенные интерпретаторы-коммуниканты, иронизирующие над высокой степенью употребительности «модных» слов. Один из аспектных авторских словарей при лексикографической характеристике **нарратива** как «искусства рассказывать» с пометой «лингв.» иллюстрирует употребление ироническим контекстом: *Ну как, касаясь современной культурной ситуации, не употребить вместо громоздко-посконных: «рассуждений об искусстве»... — энергично-упругое: «арт-дискурс»? или вместо дрябло-размазанного «повествование» — радостно ослабленное: «нарратив»* (Нева, 1997, 189).

Репрезентативность коммуникативного пространства в Интернете определяет перспективность исследования контент-ресурса, языка блогеров-нарраторов в контексте взаимодействия лингвистики **нарратива** как теории и семиотики слова **нарратив** как средства расширения ресурсной базы коммуникации в русском языке, развития языковой семантики в слове как компоненте текста, который, по определению Ю.М. Лотмана, «...обладает семиотической неоднородностью и, как следствие этого, способностью генерировать новые сообщения. Роль его отличается активностью: он всегда «знает больше», чем исходное сообщение» [13. С. 27].

Заключение

Анализ функционирования лексической единицы **нарратив** показал, что нарратив ментальный продукт, который воспроизводится человеком в дискурсивной деятельности, может выступать в контексте речедействия как заменитель слова **риторика**. Рассматриваемая лексическая единица характеризуется множественностью обозначаемых и имеет значение рассказ, история, текст, дискурс, точка зрения, ракурс, что основывается на ее восприятии как языкового инструмента с широкими возможностями, особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции язык — культура — коммуникация.

Список литературы

1. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Ленинград : ЛГУ, 1990.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М. : Прогресс, Универс, Рея, 1989.
3. Фурс Л.А., Коломлина И.В. Репрезентация властных отношений в английском языке: когнитивный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1087–1099. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099> EDN: EWMRBQ
4. Моштылева Е.С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации : лингвопрагматический и лингвостилистический анализ : дисс. ... д-ра филол. н. Нижний Новгород, 2021.
5. Лотман Ю.М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры: Таллинн : Александра, 1992. С. 25–34.
6. Пирс Ч.С. Элементы логики. Grammatica speculativa / пер. с англ. Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 151–210.
7. Morris C.D.W. Varieties of human value. Chicago : University of Chicago Press, 1956.
8. Рикер П. Время и рассказ. Т. 2. Конфигурации в вымышленном рассказе. М., СПб. : Университетская книга, 2000. EDN: SNDSLB
9. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2008. EDN: SUQJGP
10. Маслов Е.С. Что такое нарратив. Казань : Изд-во Казанского университета, 2020.
11. Воронина Л.В. Текстовые единицы с семантикой цели в современной русской языковой коммуникации: автореферат дисс. ... д-ра филол. н. Тамбов, 2024. EDN: GWWMWQ
12. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М. : Гнозис, 1996.

13. Новиков Л.А. Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2003. № 4. С. 61–66. EDN: ILAFLJ

References

1. Bogdanov, V.V. (1990). *Speech communication. Pragmatic and Semantic Aspects*. Leningrad: Leningrad State University publ. (In Russ.).
2. Barthes, R. (1989). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, Univers, Reya. (In Russ.).
3. Furs, L.A., & Kolomlina, I.V. (2024). Representation of Power Relations in English: a Cognitive Approach. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(4), 1087–1099. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099> EDN: EWMRBQ
4. Moshtyleva, E.S. (2021). *Models of Narration in Modern Russian-Language Internet Communication: Linguopragmatic and Linguostylistic Analysis* [PhD Thesis]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (1992). Brain — Text — Culture — Artificial Intelligence. In: *Selected Articles in Three Volumes*. Vol. 1. Articles on Semiotics and Typology of Culture (pp. 25–34). Tallinn: Aleksandra. (In Russ.).
6. Peirce, C.S. (1983). Elements of Logic. Grammatica. In: Yu.S. Stepanov (Ed.) *Semiotics* (pp. 151–210). Moscow: Raduga. (In Russ.).
7. Morris, C.D.W. (1956). *Varieties of Human Value*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Ricoeur, P. (2000). *Time and Narrative*. Vol. 2. Configuration in Fictional Narrative Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.). EDN: SNDSLБ
9. Schmid, V. (2008). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.). EDN: SUQJGP
10. Maslov, E.S. (2020). *What is a Narrative*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.).
11. Voroshina, L.V. (2024). *Text Units with Purpose Semantics in Modern Russian language Communication* [PhD Thesis]. Tambov. (In Russ.). EDN: GWWMWQ
12. Jakobson, R.O. (1996). *Language and the Unconscious*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
13. Novikov, L.A. (2003). Taxonomy of the Metonymy in the Russian Language. Adjectives. Verbs. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 61–66. (In Russ.). EDN: ILAFLJ

Сведения об авторе:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе, Институт современного искусства (121309, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а); *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-код: 4862-5769, AuthorID: 946099.

Information about the author:

Tatiana V. Markelova, Dr. Sc. (Philology), Professor, the First Vice—Rector — the Vice—Rector responsible for the educational process, Institute of Modern Arts (27a Novozavodskaya str., Moscow, Russian Federation, 121309); *Research interests*: axiological linguistics, pragmacommunication, syntactic semantics, linguocultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-code: 4862-5769, AuthorID: 946099.